[35] *Lagarde G.* Op. cit. T. 4. P. 232.
[36] Breviloquium. III. 2; Octo Quaestiones. II. 3. 6.
[37] Ibid. III. 6.
[38] Dialogus. III. I. Cap. 19.
[39] Ibid. Cap. 10, 18, 19, 26.
[40] Ibid. Cap. 5.
[41] Ibid. III. 1. 2. Cap. 19.
[42] Octo Quaestiones. III. 6.
[43] Dialogus. III. II. 1. Cap. 6.
[44] На такой трактовке мондиалистских идеалов в XIII—XIV вв., особенно применительно к Италии, настаивает советский дантолог Л. М. Баткин. См.: *Баткин Л. М.* Данте и его время. М., 1965. С. 27.
[45] См.: *Малашенко И. Е.* Мировоззрение Данте и проблема философской эволюции Сигера Брабантского // Дантовские чтения. М., 1982. С. 70 и далее; *Он же.* Социально-философская концепция Данте и его полемика с Августином // История зарубежной философии и современность. М., 1980. С. 10—12.
[46] Dialogus. III. II. Cap. 1.
[47] Ibid. III. II. 1. Cap. 1—12.
[48] Ibid. Cap. 1.
[49] Ibid. Cap. 8.
[50] Ibid. Cap. 9; Octo Quaestiones. III. 12.
[51] Dialogus. III. II. 1. Cap. 6.
[52] Ibid. III. II. 3. Cap. 1, 2, 6.
[53] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 111.

ГЕГЕЛЬ И ОРУЖИЕ СВОБОДЫ

Ж. Д'Онт

К двухсотлетию Французской революции не припомнить ли философам эту декларацию Гегеля: «революция получила первый импульс от философии» [1].

Этот тезис, сам по себе спорный, как известно, не помешал Гегелю выявить более позитивные причины революции [2]. Но тезис этот заслуживает внимания, поскольку предполагает своеобразную диалектическую концепцию выведения исторических событий. Действительно, если французская философия XVIII в., по Гегелю, побуждала революцию, то вполне понятно, что она вовсе не желала ее в той форме, какую та обрела на деле. Следствие не соответствовало причине. Философы Просвещения желали и подготавливали постепенную и мирную эволюцию общества. Конечно, говоря о революции еще в 1764 г., Вольтер предвидел, что будет, его словами, «недурная потасовка» [3]. Но он, вне всякого сомнения, не предполагал, что она примет размеры оглушительной артиллерийской канонады!

Пацифистские мечтания преследовали Мирабо еще накануне взятия Бастилии. 27 июня он восторгался перед Национальным (отныне) Собранием: «Какой славой для Франции, — восклицал он, — какой славой для нас будет то, что эта великая революция не стоит человечеству ни злодеяний, ни слез... Мы видим, как

революция свершается участием только просвещения и патриотизма... История слишком часто рассказывала о действиях диких зверей: нам она позволила надеяться, что с нас начинается история людей» [4].

Так во все времена благородные умы убеждают себя в том, что завершается какая-то варварская предыстория человеческого рода, что отныне открывается подлинно человеческая история.

Менее чем через месяц после этой речи сам Мирабо должен будет оценить «силу штыков»...

КРИТИКА ОРУЖИЕМ

Вскоре вся Франция запела вместе с марсельцами воинственную песнь Рейнской армии: «К оружию, граждане! Собирайтесь в батальоны! Вперед, вперед! Пусть нечистая кровь прольется на наши поля!»

История революции вместо того, чтобы положить конец варварской истории, стала безмерной и непрерывной войной. Революция двигалась вперед лишь под пушечную пальбу, грохот которой с легкостью перекрыл ностальгические голоса о мире: Кондорсе, Даверу, Робеспьер...

Гегель внял грому этого урока. Принадлежа до мозга костей своему веку, он единосущностно связал с ним и войну — как его неизбежную судьбу. Возможно, его ошибкой была вера в пригодность такого учения о войне на все времена, для всех обществ, что характеризует неизменную человеческую природу. Как заметил один из его интерпретаторов: «Гегель придает войне метафизическую необходимость» [5].

Но если мы на время отвлечемся от этой метафизической абсолютизации (что делал иногда и сам Гегель), если мы готовы вернуть гегелевскую апологию войны в политические ассамблеи его времени, то нам легко найти ей историческое оправдание: по меньшей мере видимость, а зачастую и глубочайшая действительность вели к этой апологии. Ибо война, о которой говорит Гегель, — это хорошо ему знакомая, жестоко пережитая революционная война, включая революционизировавшие Европу наполеоновские войны, включая и народное, национально-прусское восстание [6].

Гегель одобрял далеко не все войны [7]. Он придавал смысл войне, в которой сталкиваются различные социальные и политические системы, представленные различными нациями, ведомые различным духом. Нацией, имевшей оправдание — и лишь потому побеждавшей, ибо она воплощала дух Нового времени, — вплоть до 1815 г. была Франция.

Гегелевская доктрина войны вызвала бы законное осуждение, если бы ее начали анахронически применять в наше время. В эпоху атомной бомбы она нетерпима, ибо отжила свой срок. Чтобы понять доктрину, требуется ограничить ее применимость революционной эпохой.

Песня права: «К оружию граждане, собирайтесь в батальоны!» Но это не граждане XX в., не то оружие, не те же самые батальоны.

ВПЕРЕД, ВПЕРЕД!

Как случилось, что к концу XVIII в. во Франции оружие критики, так ловко употреблявшееся Вольтером, Гельвецием, Руссо, Дидро, неожиданно диалектически обернулось критикой оружием, которой столь же пылко пользовались и восставшие 89 года и солдаты II года? Приводимые Гегелем по этому поводу объяснения недостаточны, однако они часто совпадали с теми, что предлагались самими французскими революционерами, которые иногда были большими, чем он, идеалистами.

Например, Гегель выдвигает довольно-таки сомнительный тезис, согласно которому политическая и социальная ситуация в Германии была улучшена лютеровской Реформацией и действиями немецких князей, тогда как во Франции она оставалась слишком несправедливой и нестерпимой [8]. Но предпочтение постепенным реформам отдавал и тот, кого считали образцовым немецким «якобинцем», — Георг Форстер, работы которого внимательно читал Гегель [9].

В данной связи Гегель ссылается также на французский национальный характер — более пылкий, порывистый. «Французы вспыльчивы, как порох», — напоминает он, причем по-французски [10]. Но это уже отмечалось немецкими сторонниками революции, такими, как Эльснер, чьи публикации были знакомы Гегелю [11]. Если национальный характер и привлек особое внимание Гегеля, то потому, что его в первую очередь восхищали в революции порыв к деятельности, энергия французских граждан; сожаление у него вызывало то, что он называл немецкой инертностью, die deutsche Trägheit.

Немцы односторонне предались теории, они свершают революции лишь в мире идей. Французы — те действуют, они преобразуют объективную человеческую реальность, институты, государство. За это они вступают в бой. Они являются людьми нового типа, сражающимися гражданами.

СОЛДАТ СВОБОДЫ

В бумагах Гегеля после его смерти был найден написанный от руки текст, в котором можно обнаружить противопоставление поведения свободного солдата-республиканца подданному монархии или ее наемнику. Этот текст написан по-французски, но наличие в нем удручающих германизмов склоняет к мысли, что его автором, вероятно, был сам Гегель. Во всяком случае, Гегель, уничтоживший на склоне лет так много личных документов, сохранил этот. Вот он:

«Лозунгом была свобода, врагом — тирания, главнокомандующим — конституция, субординацией — подчинение ее представителям. Но есть немалое различие между пассивностью военной субординации и порывом восстания; между повиновением приказу генерала и пламенем энтузиазма, которое свобода зажигает в крови живого существа. Это священное пламя, оно держало в напряжении нервы, ради него, ради наслаждения им они были напряжены. Эти усилия — радость свободы, а вы хотите, чтобы она от них отказалась; эти дела, эта активность для общественного блага, этот интерес являются движущей силой, а вы хотите, чтобы народ вновь предался бездействию, скуке?» [12].

Вот прокламация, которая, если исключить фантастическую пунктуацию, вполне могла принадлежать революционному оратору или генералу — скорее всего жирондисту. Она не удивляла бы, будь ее автором Дюмурье, Кюстин или Вестерман. В ней подчеркивается контраст между солдатом-«автоматом» из армий коалиции монархий, которого так часто жалеют — или над которым насмехаются — Энар, Бриссо, Дюмурье [13], и свободным воином-революционером, призванным нуждою в действии, охваченным спонтанным порывом, с песней встречающим смертельную опасность.

Прокламация уподобляет Революцию свободной деятельности индивидов. Но в ней уже ощутимо слегка наметившееся незаконное скольжение: переход от войны как средства защиты политических завоеваний революции к войне ради войны; идеальное скольжение, едва ли способное прикрыть реальную трансформацию оборонительной войны в завоевательную. Перед нами иллюстрация того обращения целей в средства и средств в цели, к которому так часто применяется гегелевский анализ.

«Французский» текст Гегеля подразумевает ту своеобразную концепцию счастья, которую разделяли многие французские революционеры. Счастье для Гегеля заключается исключительно в деятельности, а не в мирных радостях. Эта идея с легкостью входит в его систему, но она многим обязана и немецким «якобинцам».

Гегеля часто упрекают за эту оценку достоинств войны, оценку, квалифицируемую как милитаристская, жестокая и реакционная. В «Философии права» Гегель пишет: «В состоянии войны суета преходящих вещей и материальных благ, которая обычно дает повод для назидательных речей, принимается всерьез... Посредством войны ... сохраняется моральное здоровье народов, ее безразличием к установлениям и к процессам, коими установления утверждаются как обычаи и становятся неподвижными, подобно тому, как движение ветра сохраняет воды озер от опасности загнивания, когда они погружаются в длительный покой, каковым для народов был бы продолжительный мир и a fortiori вечный мир» [14].

Оставляя пока что это рассуждение без оценки, необходимо

признать, что здесь воспроизводится мнение, которое исповедовал в ту эпоху Георг Форстер. Он прибегал для иллюстрации к сходным образам. Отвергая критику Французской революции, он говорил: «Но разве не достаточно того в этих обстоятельствах... что никто более не дремлет, не загнивает, не существует бесполезно?» [15]

Подобные суждения заставляют вспомнить о презрении Маркса к тем, кто «довольствуется существованием и наслаждением» [16]. Все они наделены фобией к стагнации, склерозу, неподвижности.

Но и Жорес, трибун мира, пытаясь объяснить поведение контрреволюционеров-вандейцев, вспоминает, конечно, об их религиозности, верности церкви, сеньорам, королю, но одновременно, говоря с гегелевским акцентом, ставит им в вину их лень, их инертность [17], — именно это слово он употребляет, — их привязанность к своим жалким пожиткам, отсутствие мужества, их «эгоизм» [18]. Используя близкие гегелевскому образы, он обвиняет вандейцев в «прозябании в сонливых обычаях... подобно болотной траве» [19], в страхе за жизнь, удерживающем от противостояния смерти. Отказавшись взять в руки оружие вместе с революцией, они все же были вынуждены сражаться. Отказавшись от смертельного риска, они должны были умирать самым жестоким образом.

В эпоху Гегеля свобода не может экономить на оружии: ни жирондисты, ни тем более монтаньяры, ни Форстер, а впоследствии Гегель, Маркс и даже Жорес — не были глухи к зову оружия.

ПУШЕЧНЫЙ ПОРОХ

Но какого оружия? Каким было оружие новой свободы? Гегель интересовался и этим вопросом. Принимая близкую революционерам его времени точку зрения, он придает демократическую и эгалитарную роль изобретению и использованию пушечного пороха [20]. Порох дал народу равенство сил в сражениях с его угнетателями, равенство, которое он начинал обретать, вооружаясь чем попало.

Гегель — вполне в духе французских либералов эпохи Реставрации — так описывал борьбу швейцарских крестьян против имперских бальи и Габсбургов в XIII—XIV вв.: «Крестьяне с дубинами и булавами вышли победителями из борьбы с носившим броню, вооруженным копьями и мечами дворянством, которое получило подготовку на рыцарских турнирах, и с его притязаниями. Затем против этого превосходства в вооружении дворян было найдено еще другое техническое средство — порох... Он оказался главным орудием для освобождения от физической силы и для уравнения сословий. С различием в вооружении исчезло и различие между господами и холопами. Порох уничтожил и прочность укрепленных пунктов, и укрепленные пункты и замки утратили с тех пор свое значение» [21].

Вспоминая во времена Реставрации эту народную победу пушек и ружей над латами и замками, мог ли Гегель не думать о недавнем взятии Бастилии, которое он ежегодно отмечал в компании нескольких своих учеников? Знаменитая диалектика Господина и Раба порой обретала вполне конкретные, исторически датируемые черты: *стирание различий в оружии* стерло социальное различие между господином и крепостным! Открытие нового оружия преобразовало общество и дух этого общества!

Иногда, наоборот, человеческие нужды вели к техническим изобретениям: «Человечество нуждалось в порохе, и он незамедлительно появился»[22-23]. Как известно, намного позже Энгельс не опровергал такого объяснения, которое поначалу может показаться идеалистическим: «Теперь, однако, когда появилась потребность в легко заряжаемом ружье, она сейчас же получила удовлетворение!» [24].

Гегель видел в книгопечатании, компасе и огнестрельном оружии помощников третьему сословию!

Тем временем, пока у него не было ружей и пушек, оно довольствовалось, подобно средневековым швейцарским крестьянам, чем попало, легким холодным оружием. В нужде это было *единственное средство против лучшего вооружения коалиции* феодалов. В чрезвычайном донесении от 1 августа 1792 г. Карно полон энтузиазма по поводу изготовления пик: «Ваша комиссия предложила пики, ибо пики представляют своего рода оружие свободы».

Оружие свободы? Карно посчитал себя обязанным сослаться и на более реальные мотивы выбора пики: «Она недорого стоит и быстро изготовляется». А затем следует и признание. Карно — ученый, инженер, артиллерист — приводит истинный мотив этого удивительного возведения пики в сан оружия свободы: «Кроме того, — добавляет он, — сейчас нет и еще долгое время не будет достаточно огнестрельного оружия, чтобы снабдить им всех граждан. . .» [25].

За неимением пушек приходится драться пиками, и гравюры того времени часто изображают огромные революционные толпы, *ощетинившиеся пиками*. Но в *своем знаменитом донесении* Карно был непривычно пессимистичен.

Историку остается поражаться той легкости, с какой революционеры обеспечили себя огнестрельным оружием. Целью многих великих революционных деяний часто служил захват оружия. Таковым было даже взятие Бастилии, важного хранилища оружия. Этот революционный акт был предварен разграблением оружейных мастерских 12 июля и изготовлением 50 000 пик по приказу восставшего муниципалитета, а затем, 14 июля, захватом в Доме Инвалидов 28 000 ружей и 5 пушек. Таким вооружением располагала австрийская армия в битве при Жемаппе — это уже немало!

Сила революции заключалась в массовом характере и энтузиазме революционных батальонов. 17 июля, рассказывают нам

хроники, король прошел между двумя шпалерами из 100 000 человек, стоявших в три или четыре ряда, и вооруженных ружьями, пиками, палками.

Сила революции состояла также в качестве оружия. Революционные отряды — даже женщины, шедшие на Версаль,— всегда везли с собой несколько пушек.

Отныне и на протяжении всей этой неприятно шумной революции люди жили, законодательствовали, танцевали, гильотинировали, сражались под гром пушек и в пороховом дыму. Огнестрельное оружие — вот оружие свободы, как это верно заметил Гегель. Но тому, что революционеры смогли избрать именно это оружие, способствовало его наличие. Жорес справедливо отметил, что общий упадок старого режима не сопровождался упадком артиллерии[26]. В последние годы монархии были улучшены ружья, была изобретена легкая мобильная пушка[27], оружие производилось в бóльших количествах, а затем старательно сохранялось на складах, чтобы революционеры могли найти его в хорошем состоянии и достаточном количестве в подходящий момент. Революционеры обратили против феодалов и монархии то самое оружие, которое было выковано ими для защиты.

В истории бывают глубокие и решительные полемологические разрывы, но радикальными и абсолютными они являются не больше чем эпистемологические.

Революционеры унаследовали не только пушки, но получили в наследство и артиллеристов, замечательно обученных, как Карно, Бонапарт и множество других воспитанников военных школ монархии. Они унаследовали и науку XVIII в. «Армия адвокатов», — говорилось о победителях при Вальми. Но эти адвокаты насчитывали в своих рядах немало артиллеристов, инженеров, ремесленников; они прониклись научным духом, они штудировали «Энциклопедию» со всеми ее иллюстрациями, что позволило Жоресу — несколько преувеличивая, но с блеском — сказать, что революционные армии были и «вооружившейся Энциклопедией»[28].

Полученным в наследство оружию и науке революционеры заботливо дали наследников. Жорес описал и, возможно, открыл тот экономический подъем, который сопровождал революцию[29]. Многие банкиры, промышленники, ремесленники нашли в производстве оружия средство обогащения — способствующее к тому же победе их политических идеалов. Со своей стороны многие ученые, получившие образование при монархии, но целиком принявшие новые идеи, посвятили все свои силы изобретению нового оружия и новых способов его производства. Например, великий математик Монж, автор «Описания искусства изготовления пушек», создатель, вместе с Хассенфратцем, парижской военной мануфактуры, организатор всенародного сбора селитры, необходимой для производства пороха. И сам Карно, ученик и друг Монжа; и Бертело, химик, чьи труды использовал Гегель;

и Вандермонд, и многие другие. Без сомнения, никогда еще не бывало столь полного, чем в ту эпоху, слияния науки, революции и войны!

БАТАЛЬОНЫ

Если революционеры избрали или создали таким образом оружие, то оно, в свою очередь, избрало или создало людей. Именно в то время родились современная война, осмысление которой начал Карно [30], и новый тип воина, в котором она нуждалась.

Использование огнестрельного оружия ставит сражающихся в совсем иное положение, чем войны античности и бóльшая часть войн средних веков. Эти войны в конечном счете часто сводились к бою один на один, а иногда и к схватке между вождями, которые были знакомы, ненавидели друг друга и обменивались оскорблениями перед тем, как начать дуэль. Личная храбрость решала исход дела.

Огнестрельное оружие не только увеличивает физическую дистанцию между сражающимися, оно углубляет также дистанцию моральную. Конечно, отдельные выстрелы могут греметь там и тут. Но батальоны французской республики — это огромные массы вооруженных людей, сталкивающихся с другими, идущих на штурм волна за волной, плотные каре, единодушно стоящие насмерть.

В таких столкновениях 300 000 солдат, пусть плохо обученных и неумело целящихся, стоят больше, чем несколько необычайно сильных и умелых всадников. Поэтому, замечает Гегель, проверке подвергается совсем иное воинское мужество, чем раньше. Да, признает он, «можно сожалеть об упадке и понижении ценности личной храбрости» [31] — и тем самым вступает в актуальные для того времени дебаты. В этом споре древности, превозносившей ценность личного мужества в сражении холодным оружием один на один, и современности, которая прославляла новые качества, потребные в битве с огнестрельным оружием, Гегель, как всегда, стоит на стороне современности. В самом деле, он заявляет: «благодаря пороху главное значение получили разумная, сознательная храбрость, духовное мужество. Лишь благодаря применению этого средства могла развиться более высокая храбрость, храбрость, чуждая личной страсти; ведь при употреблении огнестрельного оружия стреляют в нечто общее, в абстрактного врага, а не в отдельных лиц» [32]. Гегель выдвигает пластичную фигуру современного воина, уже не физически принуждаемого сражаться, но воодушевленного идеологически: «Воин спокойно подвергается смертельной опасности, жертвуя собою для всеобщего» [33]. От него не ускользнуло, что тем самым свершился переход от конкретных отношений личной ненависти феодалов к более абстрактным отношениям и абстрактной ненависти. «Кучный» обмен залпами из ружей становится, можно сказать, столь же абстрактным, как обмен меновыми стоимостями.

И здесь Гегель производит фантастически-метафизическую трансфигурацию. Из ничтожного следствия употребления пороха, эпифеномена взрыва — из дыма — он делает сущностный момент идеального оправдания формы современного боя.

Как и все его современники — как и мы сами, глядя на гравюры революционной эпохи,— он поражался громадным клубам дыма, покрывавшим поле битвы уже после первого залпа. Полное отсутствие видимости принуждало солдат стрелять «случайно», по крайней мере, пока речь идет об индивидах вражеского войска [34]. Только командиры, если они были достаточно осведомлены, имели представление, где находится противник, в каком направлении следует стрелять, куда наступать или отступать. В таком случае кроме безличного мужества простых воинов все зависело от их знаний и ума. Из этой случайной ситуации Гегель делает сущностное условие. Говоря о тотальной самоотверженности современного солдата, он претендует на то, что «это отчуждение должно иметь такую абстрактную форму, должно быть лишенным индивидуальности, убивают и встречают смерть хладнокровно, не в открытом сражении, где отдельный индивид сталкивается с противником лицом к лицу и убивает его непосредственной ненавистью, а умирают и убивают в пустоте (leer), безлично, в пороховом дыму» [35]. И делает отсюда вывод, что «мужество просвещенных наций заключается именно в том, что оно полагается не только на физическую силу, но главным образом на благоразумие, командование, характер предводителей и, как у древних, на солидарность и сознательность целого» [36].

Пороховой дым приходит на помощь философскому идеализму и гегелевской идеализации войны. Но являются ли выводы Гегеля в данном случае противозаконным теоретизированием по поводу ретроградных мнений, в чем его часто упрекали?

Перед тем, как поспешно выносить приговор, стоит вспомнить, что Жорес — он тоже! — приписывал те же самые характеристики оружию демократии, так, как он понимал его на заре XX в. Исключая, конечно, роль дыма. «Моральная однородность (то, что Гегель называл связностью и сознанием тотальности), — писал он, — и развитая наука, вот две великих силы военных институтов при демократии» [37]. Это Жорес, подобно Гегелю, усвоил, во-первых, из опыта, во-вторых, из изучения Французской революции.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОБЕД

Некоторые события из жизни Гегеля оставались бы едва понятными, если игнорировать или недооценивать не только его постоянное восхищение Французской революцией, но также той военной наукой, которую она ему преподала.

Так, в 1822 г., проезжая через Магдебург, он нанес Карно визит, который в противном случае показался бы загадочным

и неуместным. Старый член Конвента доживал свои дни в немецком изгнании, где пользовался определенным почетом (Гарденберг еще был канцлером Пруссии), находясь под пристальным наблюдением (его деятельность продолжала вызывать подозрения) [38].

Гегель, конечно, помнил, что многим был обязан научным трудам Карно, когда десять лет назад писал свою «Логику». Но в первую очередь его интересовали совсем другие труды Карно. Философ не мог забыть, что имел дело с убежденным революционером, несколько умерившим цели революции, но нисколько не умерившимся в выборе средств для этих целей. Карно во времена Реставрации — это фигура непримиримого революционера, цареубийцы, члена Комитета общественного спасения вместе с Робеспьером и Сент-Жюстом, террориста из террористов — по крайней мере, пока речь идет о подавлении восстания в Вандее и непокорного Лиона.

Доныне мы вздрагиваем при чтении некоторых жестоких приказов, которые Карно считал своим долгом дать генералам, исполнявшим их с такой свирепостью, и которые в качестве тех «бесполезных буржуазных жестокостей», были заклеймены впоследствии Энгельсом [39]. Именно из-за этих приказов, как признался в интервью один из наших современных историков, он не может пройти мимо лицея Карно без плевка — в знак презрения и негодования.

Со своей стороны Гегель абсолютно осуждал террор с моральной точки зрения как преступление, и некоторым образом оправдывал его с точки зрения исторической. Без сомнения, он подводил его под изобретенную им категорию «преступлений для всеобщего» [40]. «Во Французской революции, — холодно устанавливал он, — ужасную силу получило в свои руки государство, целое вообще. Эта сила — не деспотизм, *но тирания*, чистое страшное господство; но оно необходимо и справедливо, коль скоро оно конституирует и сохраняет государство как этот действительный индивид» [41].

В мире, в котором он жил, Гегель, помня о том, что должно быть, стремился прежде всего «понять то, что есть». Конечно, с точки зрения конца XX в. его достижения в этом были весьма скромными. Но он, по крайней мере, установил консубстанциальную связь теории и практики, науки и деятельности, ума и победы в революции и революционной войне: связь между политическими идеями, деяниями и оружием. Франция с этой точки зрения оставалась для него «Францией, матерью искусств, оружия и законов».

Поэтому он не упустил возможности повидаться в Магдебурге с Карно — символом вооруженной революции, патриотом первого призыва, знавшим, что значит идти на штурм с ружьем в руках, названного, быть может не без преувеличений, «организатором победы». Тем же вечером Гегель писал своей жене: «С наибольшим удовольствием я повидал здесь генерала Карно, любезного (liebenswürdig) старика и француза. Это знаменитый человек. Он дру-

жески согласился меня принять»[42]. Дружелюбное согласие Карно само по себе столь же удивительно, как и поступок Гегеля. Приходилось ли ему слышать о философе? И в таком случае, если он, будучи математиком, решился опубликовать «Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых» (V год), то могло ли его смутить, что Гегель развивал реалистичные размышления относительно революционной войны вплоть до *метафизики*?

Быть может, столь любезно принимая Гегеля, теоретик и практик оружия свободы знал, что отдает дань уважения философу свободы оружия.

[1] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Stuttgart, 1928. S. 556 // Idem. / Trad. franç. par. J. Gibelin. P.: Vrin, 1963. P. 339. Далее: Trad. franç.

[2] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie. . . S. 556—557; Trad. franç. P. 339—340.

[3] *Voltaire.* Correspondance. 1973. Vol. 27. P. 315.

[4] *Jaurès.* Histoire socialiste de la Révolution française. P., 1968. T. 1. P. 399.

[5] *Grégoire F.* Etudes hégéliennes. 1958. P. 281.

[6] Cf.: *D'Hondt J.* L'appréciation de la guerre révolutionnaire par Hegel, in: De Hegel à Marx. P., 1972. P. 74—85.

[7] *Hegel.* Aesthetik / Ed. F. Bassenge. B., 1955. S. 955.

[8] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie. . . S. 554—555.

[9] *Forster G.* Werke in vier Bänden. Leipzig. (s. d.). S. 517—518.

[10] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie. . . S. 554.

[11] Об отношении Гегель—Эльснер см.: *D'Hondt J.* Hegel secret. 2e éd. P., P. 19—23. Эльснер (Oelsner) дал, например, следующую оценку: «Ни у одного народа мысли и действия не являются столь заразительными. В других местах между решением и реализацией лежит пропасть. Здесь (во Франции) они рождаются подобно близнецам» (Minerva. 1972. T. 3. P. 330—331).

[12] *Rosenkranz K.* Hegels Leben. B., 1844. S. 532. Voir à ce sujet: *D'Hondt J.* Hegel philosophie de l'histoire vivante. P., 1966. P. 29.

[13] Дюмурье, цитируемый Жоресом, речь от 17.12.1792: «Никогда я не видел, чтобы солдаты роптали; песни и радость словно превратили это ужасное поле в одно из тех полей развлечения и роскоши, где в прошлом короли расставляли по регистрам автоматы для забавы своих любовниц и их детей» (*Jaurès.* Op. cit. P., 1970. T. 3).

[14] *Hegel.* Grundlinien der philosophisches Rechts // Philosophie du Droit. Remarque du paragraphe 324.

[15] *Forster G.* Sämtliche Schriften. Leipzig, 1843. Bd. 8. S. 93. Cf.: Chuquet // Etud. hist. première Sér. P. 157.

[16] Lettre de Marx à Ruge, mai 1843 // Marx-Engels Gesamtausgabe. Francfort, 1927. Vol. 1. P. 565: «К расколу внутри теперешнего общества, — к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить, потому что она вообще не исцеляет и не творит, а только существует и наслаждается».

[17] *Jaurès.* Op. cit. T. 2.

[18] «Дюмурье хорошо знал, что . . . в вандейской контрреволюции было от жесточайшего эгоизма» (*Jaurès.* Op. cit. T. 2. P. 261—262).

[19] *Jaurès.* Op. cit. T. 2. P. 262.

[20] *De Bonneville N.* Appel aux étrangers // Chron. mois. 1972. Mai. P. 37. Статья опубликована по немецки в «La Berlinische Monatschrift» (juin 1793. Juni. S. 565). «Заинтересованность в угнетении, будучи всегда в интересах немногих не может объединиться в реальную силу; по крайней мере, пока интерес подавляющего большинства не уравновешен неравенством в оружии, чего, к счастью, не существует в Европе. Европе вы обязаны (речь идет о немцах. — *Ж. Д'Онт*) пушечным порохом, употребление которого, придав силу власти большинству, установит однажды вечный союз между властью и справедливостью».

[21] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie. . . S. 508. Идея полностью принимаемая

Энгельсом: «Распространение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и угнетения» (*Engels F.* Anti-Dühring / Trad. E. Botigelli. P., 1950. P. 200).

[22-23] Ibid. S. 508.

[24] *Engels F.* Anti-Dühring. P. 441.

[25] *Jaurès.* Op. cit. T. 2. P. 692.

[26] Ibid. T. 3. P. 288: «Превосходной была прежде всего артиллерия, патриотическая и ученая в одно и то же время. Под конец старого режима, при упадке военных институтов, только она выросла с помощью науки, учебы, свободного духа современности. Она была в согласии с науками, которые увеличивались повсеместно и со свободомыслием, которые умножали открытия в военной области, как и в индустрии. Она была полностью готова к защите Революции».

[27] *Engels F.* Anti-Dühring. P. 202.

[28] *Jaurès.* Op. cit. T. 3. P. 288.

[29] Ibid. P. 894—901.

[30] «Карно, составивший эпоху в военной истории» (Marx-Engels-Werke. B., 1900. Bd. 29. S. 126).

[31] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie... S. 508.

[32] Ibid.

[33] Trad. franç. P. 309.

[34] Поэма Виктора Гюго «Кладбище в Эйлау (легенда веков)» представляет собой как бы драматическую иллюстрацию гегелевских взглядов:

...Мне мил стальной клинок
и ненавистен звук трусливого ядра,
что сеет смерть вокруг...

...Чудовищной харкотиною дымной.
...А что такое бой?
Скажу вам в двух словах
Пороховая гарь и дымная завеса
...Беспомощней слепцов с повязкой на глазах
Такими были мы
...Не ведая про то, что с нами он творил
от гари почернев
мы наугад стреляли.

(Пер. Ю. Н. Стефанова)

[35] Jenenser Realphilosophie (1805—1806) // Samtliche Werke. Leipzig; Meiner, 1931. S. 261—262.

[36] *Hegel.* Vorlesungen über die Philosophie... S. 509.

[37] *Jaurès.* Op. cit. T. 3. P. 288.

[38] *Voir E.-J.* Giessmann, Lazare Carnot und die preussischen Militärieformer // Milit. Ges. 1986. Bd. 4. S. 310—319.

[39] *Engels F.* Lettre à Marx, citée par Markov, 1789, die grosse Révolution der Franzosen. B., 1973. P. 375.

[40] *Lukacs G.* Der Junge Hegel. B., 1954. S. 479.

[41] Jenenser Realphilosophie. S. 246.

[42] Lettre du septembre 1822: (Briefe von und an Hegel). Hamburg; Meiner, 1969, II. P. 340.